

Арина Ларина

А ЕСЛИ ЭТО ЛЮБОВЬ...

УДК 82-3
ББК 84
Л25

Л25 **Ларина А.**
А если это любовь... / Арина Ларина – М.: Литнет, 2026. – 234 с.

ISBN 978-5-524-01028-5

Я - Алиса Майская

Ещё неделю назад у меня была нормальная жизнь. Бабушка, подруга, парень, от которого сносило крышу, и маленький городок, где все свои.

А потом за мной приехал отец. Тот, которого я ни разу в жизни не видела.

Оказалось, я ему нужна. Не как дочь - как картинка. Послушная девочка для красивой истории.

Новый дом, где я чужая. Элитная школа. Только в этой школе свои законы.

И кое-кто уже решил, что новенькой тут не место. .

И он - парень, которому лучше не попадаться на глаза.

Мне сказали: сиди тихо и не высовывайся.

Я бы и рада. Но, кажется, уже поздно.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-01028-5

© Литнет, 2026
© А. Ларина, 2026

Глава первая

Форма – вот что реально порадовало. Тёмно-синий пиджак, клетчатая юбка чуть выше колена, белая рубашка. Когда я первый раз всё это натянула – вчера вечером, в своей комнате – я прямо обалдела. Стою перед зеркалом и не верю. Как из «Элиты». Один в один.

Комната, кстати, тоже до сих пор не укладывалась в голове. Огромная – раза в три больше, чем моя у бабушки. Кровать широченная, с кучей подушек, такая, в которую падаешь и утопаешь. Шкаф-купе во всю стену, письменный стол у окна, а из окна – сад. Настоящий сад с подстриженными кустами и дорожками. Когда этот... отец – блин, до сих пор коробит так называть совершенно незнакомого по сути человека – когда он сказал «это твоя комната», я сначала подумала, что он шутит. Потом поняла, что нет.

Он вообще не из тех, кто шутит.

Но ладно, комната комнатой, а форма – это было отдельное. Покрутилась, одёрнула пиджак, расправила юбку. Скинула фотки Наташке.

«Ты на Карлу похожа!!!» – прилетело мгновенно. И штук восемь восклицательных знаков.

Ну, может, и похожа. Я ещё раз повернулась к зеркалу и попробовала сделать лицо – такое, как Карла делает в сериале. Чуть дерзкое, чуть надменное, подбородок вверх, взгляд из-под ресниц. Типа я тут главная и мне на всех плевать. Поддержала секунды три и сама заржала. Но на фотке вышло нормально, я и эту скинула.

Наташка ответила голосовым – минуты на полторы, как она умеет, без пауз, на одном дыхании: что я красотка, что она меня ненавидит от зависти, что ей тоже такую форму хочется, а не их серый мешок, и что она уже скучает, и чтоб я не вздумала там найти себе новую лучшую подругу. Я прослушала три раза. На третий чуть не заревела.

А потом написал Никита.

Никита – это... ну, это Никита. Мы с ним не то чтобы вместе. И не то чтобы не вместе. Мы как бы... ну, короче, сложно. Целовались два раза. Первый раз – на дне рождения у Лёхи, в июне, на веранде, когда все ушли за тортом. Он просто взял и поцеловал, без предупреждения, и у меня колени подогнулись, вот реально, как в книжках пишут, я думала, это враньё, а оно правда так бывает. Второй раз – у речки, за неделю до моего отъезда. Мы сидели на мостках, болтали ногами в воде, и он вдруг замолчал, и я повернулась, а он смотрит на меня так, что... ну, в общем, мы опять поцеловались. И он сказал: «Может, не поедешь?» А я сказала: «Не могу». И мы оба замолчали, и сидели так до темноты.

Так вот, Никита написал. Увидел фотки в форме и сразу начал слать сердечки. Красные, розовые, с глазками – россыпью, как он всегда делает, когда ему реально нравится. Потом голосовое, короткое, на три секунды:

«Майская, ну ты вообще». И смайлик с огоньком. И ещё одно голосовое, уже серьёзное: «Красивая. Очень». И замолчал. И я замолчала. И мы потом ещё полночи переписывались – то о ерунде, то вдруг о серьёзном, то опять о ерунде. Он скинул фотку своего кота, я скинула фотку сада из окна, он написал «ничего себе ты живёшь», я написала «ага, дворец, только без тебя тут фигово», и он ничего не ответил, только сердечко поставил. Одно. Красное.

Я уснула с телефоном в руках.

Так что да, форма порадовала. И Никита. И это пока было единственным, что хоть как-то скрашивало весь этот бардак, в который превратилась моя жизнь.

Но сейчас...

Сейчас я шла по коридору этой школы, и ни форма, ни Никитины сердечки уже не помогали.

Коридор был такой, что хотелось остановиться и поснимать на телефон. Широченный, с высоченными потолками, огромные

окна в пол, через которые лился свет – мягкий, утренний. Мраморный пол так блестел, что я боялась поскользнуться. На стенах портреты – серьёзные дядьки в рамках, видимо, основатели или ещё кто. Пахло чем-то приятным – не хлоркой, как в моей прошлой школе, а чем-то таким... дорогим. Цветочным.

Красиво. Реально красиво. Вайб как в кино.

Только мне от этой красоты было не по себе. Как будто я забрела не туда. Как будто сейчас кто-нибудь подойдёт и скажет: «Девушка, вы ошиблись дверью».

Я поправила очки. Зрение у меня нормальное, стопроцентное, если что. Очки – просто так. Утром надела и сама не поняла зачем. Вернее, поняла, но это глупо звучит. С ними мне как будто... спокойнее. Как будто между мной и всем этим – стекло. Тонкая такая стеночка. За ней можно спрятаться.

Глупо, да, я знаю. Но мне помогало.

Мимо прошли две девчонки – обе на голову выше меня, обе с такими укладками, на которые уходит, наверное, минимум час. У одной сумка, которую я видела в инстаграме у блогерши с миллионом подписчиков. Она скользнула по мне взглядом – быстро, как сканером. И отвернулась. Вторая вообще не посмотрела. Ну, ладно. Может, это у них тут нормальный вайб такой – игнорить новеньких.

Я попыталась снова настроиться. Ну, типа: всё будет хорошо. Новая школа, новые люди. Может, тут даже подруги появятся. Может, тут будет интересно. Может...

Не получалось.

Потому что стоило на секунду перестать себя уговаривать – и сразу накрывало. Бабушкин дом. Калитка, которая всегда скрипит. Запах пирогов утром в субботу – с яблоками, бабушка всегда кладёт корицу, и весь дом пахнет так, что хочется никуда не уходить. Наташкин хохот – громкий, на всю улицу, она вообще тихо не умеет. Речка. Мостки, на которых мы с Никитой сидели. Лавочка у магазина, где мы зависали вечерами всей компанией.

Всё осталось там. Вот прямо всё.

Друзья. Места. Жизнь. Всё моё – там. А я – здесь. В этом вылизанном коридоре, среди чужих людей с дорожными сумками. Полный минус вайб, если честно.

Слёзы подступили так быстро, что я не успела ничего сделать. Просто – раз, и в глазах всё поплыло. Портреты, окна, блестящий пол – всё размазалось.

Нет-нет-нет. Не сейчас. Не здесь.

Я остановилась. Заморгала быстро-быстро. Зажмурилась. Сняла очки, потому что они запотели. Сжала руки в кулаки – ногти впились в ладони, но это даже помогло. Вдох. Глубокий. Ещё один. Выдох. Медленный.

Не реветь. Майская, ты не будешь реветь в коридоре в первый день. Нет. Это был бы полный кринж.

Открыла глаза. Протёрла очки краем рубашки, надела обратно. Вроде отпустило. Ну, почти. В носу щипало и в горле стоял ком, но слёзы я удержала. Маленькая победа.

Пошла дальше.

И тут в голове всплыло лицо Никиты. Как он стоял, когда я уезжала. Руки в карманах, чёлка на глаза, и смотрит. Просто смотрит. Ничего не говорит, только: «Звони». И всё. Одно слово. А я потом полдороги не могла дышать нормально, сидела и кусала губы, чтобы не разреваться.

Нет. Я не могу. Я не хочу тут. Может, сказать отцу? Прямо сегодня, вечером. Типа отпусти меня. Пожалуйста. Мне тут плохо. Я хочу домой, к бабушке.

Мда. Ага. Конечно.

Он не отпустит. Это я даже не предполагаю – это я знаю. Точно знаю. Потому что я ему нужна здесь. Не как дочь, нет. Не потому что соскучился или вдруг полюбил. А потому что без меня рядом – у него проблемы.

Серьёзные проблемы. Такие, которые могут перечеркнуть всё,

ради чего он старается. Так что Алиса Майская никуда не денется. Будет жить в большом доме, ходить в дорогую школу, улыбаться когда надо. Послушная дочка. Красивая картинка.

Ладно. Проехали. Не сейчас.

Я дошла до конца коридора и остановилась перед расписанием. Огромная доска за стеклом, всё аккуратно распечатано. Нашла свой класс, пробежалась глазами. Первый урок – литература.

Хоть что-то.

Литературу я любила. Единственный предмет, на котором мне никогда не было скучно. В моей старой школе учительница, Вера Павловна, всегда говорила, что у меня хорошее чувство текста. Это, наверное, было самое приятное, что мне говорили в жизни. Ну, не считая Никитино «красивая, очень» вчера ночью.

Так, вроде кабинет 312. Третий этаж.

Я посмотрела на лестницу. Широкую, с перилами, тоже мраморную. Красивую. Чужую.

Ладно, Майская. Вперёд. Хватит ныть.

Я поправила очки, убрала волосы за ухо и пошла наверх.

Глава вторая

Кабинет 312. Третий этаж. Ничего сложного, Майская, просто поднимись по лестнице.

Я закинула рюкзак на плечо и пошла наверх. Лестница была широкая, красивая – перила тёмного дерева, ступени из какого-то серого камня, отполированного до блеска. По стенам – снова портреты. Эта школа вообще была помешана на портретах, как будто тут не учатся, а в музее живут.

На втором этаже я подумала, что не посмотрела номер кабинета на расписании нормально. Триста двенадцать или триста двадцать один? Блин. Точно двенадцать? Или...

Я полезла в рюкзак. На ходу, не останавливаясь, потому что до звонка оставалось минут пять, а мне ещё целый этаж. Рюкзак был новый, непривычный – не мой старый потрёпанный, а этот, который отец купил, кожаный, дорогой и абсолютно неудобный. Молния заедала, карманы были не там, где надо, и расписание, которое я точно сунула туда утром, куда-то провалилось на самое дно.

Я ковырялась одной рукой, другой держала лямку, и при этом пыталась подниматься по ступенькам. Вот прям воплощение грации и координации. Глоу-ап года, не иначе.

А потом всё случилось одновременно.

Рюкзак соскользнул с плеча. Я дёрнулась его поймать. Нога поехала на гладкой ступеньке. Я потеряла равновесие и начала заваливаться – нелепо, в замедленной съёмке, как в дурацкой комедии, только мне было совсем не смешно.

И в этот момент сверху кто-то летел по лестнице. Быстро, через ступеньку – я слышала шаги, но не успела ничего сделать. Мой рюкзак, который к этому моменту жил своей отдельной жизнью, качнулся и подсёк его по ногам.

Глухой удар. Короткий мат. И мы оба повалились.

Он практически сел на ступеньки – резко, жёстко, как будто ему подбили колени. А я... а я рухнула прямо на него. Коленьями – об ступеньку, больно, аж искры из глаз. И оказалась... на нём. На его бёдрах. Лицом к лицу. Мои ладони упёрлись ему в грудь, потому что надо же было за что-то схватиться.

И тут же почувствовала его руки. На своих бёдрах. Крепко, уверенно – то ли поймал машинально при падении, то ли просто положил, потому что мог.

Горячие даже через ткань юбки. Большие ладони, длинные пальцы – обхватили так, что у меня перехватило дыхание.

На секунду всё замерло.

Я не дышала. Вообще. Как будто кто-то нажал на паузу – и мир остановился. А потом я подняла глаза. И пропала.

Зелёные. Яркие, нереально яркие, как будто подсвеченные изнутри. Такие глаза бывают только в фильтрах инстаграма, но у него это было настоящее

– я видела вблизи, с расстояния в ладонь, и никаких фильтров тут не было. В обрамлении густых тёмных ресниц – длинных, пушистых, таких, за которые любая девчонка продала бы душу. Несправедливость какая-то.

Лицо – точёное, как будто кто-то очень талантливый сел и вылепил: идеальная линия челюсти, прямой нос, нереальные скулы. Кожа – ровная, золотисто-смуглая, такой оттенок, который не получишь в солярии, это от природы. Тёмные волосы чуть длиннее, чем принято, небрежно падают на лоб, и ему наплевать, он не поправляет. Губы – чётко очерченные, чуть припухлые, и если бы я не была в состоянии клинической паники, я бы, наверное, подумала о них что-нибудь совсем неуместное.

И от него пахло. Чем-то тёплым, терпким, дорогим – парфюм, название которого я наверняка не знаю и не смогу выговорить.

Не тощий мальчишка, нет. Широкая грудь, и чувствовалось, что

под рубашкой – рельеф, мышцы, тело человека, который явно не только за партой сидит.

Короче. Это был не просто краш. Это было что-то запредельное. Как будто кто-то собрал все редфлаги в одном человеке – потому что настолько красивые парни просто не могут быть нормальными, это закон природы – и упаковал в обложку, от которой невозможно отвести взгляд.

И во всём этом – ни капли паники. Ни тени смущения. Он просто смотрел на меня. Спокойно. Чуть насмешливо. Как будто ему каждый день валяются на колени незнакомые девчонки, и это даже не входит в десятку самых интересных событий за утро.

А его руки всё ещё были на моих бёдрах. Он не убирал их. Вообще. Как будто так и надо.

Моё сердце бесилось, колотилось где-то в горле, и по-моему, было слышно на весь этаж. А его – я чувствовала под ладонью – стучало ровно и спокойно. Как будто ему вообще всё равно.

Надо встать. Прямо сейчас. Немедленно. Но я не двигалась.

А он чуть наклонил голову, и эти зелёные глаза прошлись по мне – медленно, не торопясь. По моим рукам у него на груди. По шее. По лицу. Задержались на губах. Поднялись обратно. И он улыбнулся. Одним уголком рта. Лениво. Нагло. Так, как улыбаются люди, которым принадлежит весь мир, и они об этом знают.

– Ну и куда ты так торопилась? – голос низкий, чуть хриплый и настолько наглый, что у меня внутри что-то вспыхнуло. – На меня запрыгнуть?

Щёки загорелись мгновенно. Уши, шея, всё. Я покраснела так, что, наверное, светилась. Капец. Полный капец.

Я попыталась сползти с него – неловко, коряво, упираясь ладонью в ступеньку. Одно колено подвернулось, и я снова качнулась вперёд, чуть не ткнувшись губами ему в шею. Он даже не дёрнулся. Только сжал пальцы на моих бёдрах – чуть крепче, на одну секунду – и медленно убрал руки. Сам.